

К 100-летию НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

УДК 930.1

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ (С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МАТЕРИАЛОВ ПО ТАМБОВСКОМУ КРЕСТЬЯНСТВУ)¹

© Константин Владимирович САМОХИН

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры истории и философии, зам. декана естественнонаучного
и гуманитарного факультета, e-mail: kon-sam@yandex.ru

Исследуется военный фактор как механизм российской модернизации в 1914–1940 гг. В качестве основной цели ставится анализ влияния Первой мировой войны на переход Российского государства от аграрного общества к индустриальному в социальном плане. Акцентируется внимание на необходимости органичности модернизационных процессов в России как залого их успешной реализации. Научной новизной является интерпретация войны как своеобразного «Вызова» к российской (славянской) цивилизации, «Ответом» на который стала модернизация России в указанный период. Основной вывод – положение о том, что Первая мировая война 1914–1918 гг. явилась наиболее сильным «катализатором» для российских модернизационных процессов по сравнению с предыдущими военными конфликтами с участием Российской империи. Это обусловило формирование отклоняющейся модели российской модернизации, выразившейся в создании советского варианта российского общества.

Ключевые слова: Первая мировая война; модернизация; социальная модернизация; Россия; механизм российской модернизации; органичность российской модернизации; военный фактор.

Теория модернизации с момента своего появления в качестве катализатора для развития, как правило, имела политические факторы. Само зарождение указанного концепта относится к 60-м гг. XX в. – времени противостояния СССР и США в рамках Холодной войны, когда требовалось обоснование экспансии, не важно какого рода, – политической, экономической, культурной и т. д., – проводимой двумя первенствующими державами тогдашнего мира: «...это – американская теория, которая возникает именно после победы во Второй мировой войне. Это был проект американской либерально-центристской интеллигенции. Идея заключалась в том, что теория модернизации должна распространиться из Америки, прежде всего, на Западную Европу, где она разрабатывается, хотя развивается в Соединенных Штатах; она должна быть принята в других странах» [1].

В дальнейшем, касательно России, теория модернизации получила дополнительный импульс для своего широкого распространения в связи со сменой политической и общественной парадигмы, начавшейся в середине 80-х гг. прошлого века и имевшей в качестве основного итога распад Советского Союза и трансформацию идеологического курса в нашей стране. Данная тенденция отразилась и в изменении направленности развития гуманитарных наук, в частности истории, когда необходимо было найти какую-либо альтернативу формационному подходу.

Следующим политическим фактором развития указанного концепта стало провозглашение В.В. Путиным модернизации как основной стратегии реформ в РФ на второй срок своего президентства [2]. Немаловажным событием было подтверждение указанного курса реформ Д.А. Медведевым в 2009 г. [3]. Перечисленные политические аспекты развития теории модернизации влекли за со-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00277.

бой многочисленные научные исследования данного дискурса и, тем самым, приводили к его глубокому изучению и теоретическому обоснованию.

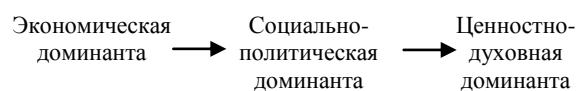
В результате отечественные социологи, философы, историки и политологи стали поднимать вопросы причин, сущности, типологии, механизмов и результатов модернизационных процессов, которые имели место в различных странах в разные периоды времени, проецируя их на российский опыт и, тем самым, разрабатывая отечественную модель модернизации. В ходе подобных исследований очень часто говорится о вынужденности модернизации, о том, что она проводилась в Российском государстве «сверху», а это детерминировало ее заимствующий характер: «Привлечение для отечественных реформ разнообразного опыта модернизации западноевропейских стран стало детерминантом суверенности русского государства и условием его прогресса с XVII в. В тесном общении с Европой разворачивалось становление и развитие России как империи в XVIII – начале XX в. Российские государи ориентировались на европейские идеалы, перенимали западные образцы, интегрировали их в социальную и культурную среду российского общества, которая их как отторгала, так и адаптировала. В этом заимствовании Россия не была исключением. Аналогичные процессы шли в других (намного более близких к исторически оригинальным центрам модернизации) странах и регионах, например, в Центральной и Юго-Восточной Европе» [4, с. 16].

Парируя возможные аргументы националистов и славянофилов, исследователи приводили положения о том, что основы российской цивилизации являлись инокультурными заимствованиями: православие пришло из Византии; этатизм являлся следствием влияния Византийской империи, Золотой Орды и Османской империи, а позднее «просвещенного абсолютизма» Западной Европы; крестьянская круговая порука как основной принцип общинного уклада пришла от монголов и т. д. [4, с. 15-16].

Е.В. Алексеева преимущественно акцентирует внимание на внешних факторах, которые серьезным образом воздействовали на развитие российской цивилизации: «Среди внешних факторов, существенным образом

вливавших на облик российской цивилизации в новое и новейшее время, можно выделить следующие: общецивилизационный тренд (мировой модернизационный процесс, глобализация, информатизация); мировые технологические революции (индустриальная, аграрная, информационная); международную политику государств, а также войны как ее инструмент и механизм экспансии обществ, обладающих технологическими преимуществами; идеологические течения (Просвещение, марксизм, социализм, либерализм и др.); экономическую конъюнктуру; деятельность транснациональных организаций; наконец, моду на появляющиеся за рубежом идеи, культурные и материальные феномены (в т. ч. романтизм, классицизм, эклектику, модерн, конструктивизм, техницизм и т. п. во всех их духовных и материальных проявлениях)» [4, с. 16-17].

При этом она выделяет войны как один из первенствующих факторов, ставших катализатором для процессов российской модернизации с конца XVII до конца XX в. Опорными точками в указанном процессе называются Северная, Крымская, Первая мировая, Вторая мировая и Холодная войны [4, с. 18]. При полном согласии с данной точкой зрения нам хотелось бы добавить, что по терминологии А.Дж. Тойнби именно войны следует рассматривать как «Вызов» к российской (славянской) цивилизации, который регулярно толкал Россию к осуществлению преобразований и заложил следующий модернизационный тренд:

Наибольшую значимость для российской модернизации в XVIII – начале XX в. сыграли:

1) Северная война, которая детерминировала, в первую очередь, экономические трансформации в Российском государстве XVIII – первой половины XIX в.;

2) Крымская война, ставшая одной из основных причин отмены крепостного права;

3) Русско-японская война 1904–1905 гг., повлекшая за собой модернизацию политической системы Российской империи, когда последняя из абсолютной монархии стала

трансформироваться в думскую или дуалистическую.

Именно с учетом вышеопределенного тренда модернизационные процессы для России характеризовались неорганичностью, что стало залогом их длительного и проблематичного протекания [5, с. 46]. В этом плане хотелось бы отметить качественно другое значение терминологии, употребляемой Б.Н. Мироновым, известным исследователем социальной истории России периода имперской модернизации (XVIII – начало XX в.). Он четко отрицает неорганичный характер модернизационных процессов в России: «Трудно согласиться с теми, кто думает, что Россия в период империи или в советскую эпоху проходила так называемую неорганическую модернизацию, которая не являлась этапом ее собственного развития и не была подготовлена всем ходом предшествующей эволюции. В то же время, очевидно, что государство постоянно старалось ускорить ее естественное, органическое развитие в ответ на внешний вызов со стороны более развитых стран» [6, с. 333]. Но при этом он отмечает: «Я хочу сказать, что с начала XVIII в., с того момента, когда российское правительство стало оплодотворять Россию самыми передовыми европейскими идеями, институтами и процессами, естественность и органичность социального развития России были нарушены: не успевали естественным путем завершиться одни процессы, как стимулировалось появление других» [6, с. 298]. В данном случае Б.Н. Миронов под органичностью в большей степени склонен иметь в виду сохранение общего, преемственного хода развития Российского государства в XVIII – начале XX в. по отношению к предыдущим периодам, нежели синхронный характер модернизационных преобразований. В нашем понимании, неорганичность российской модернизации связана с асинхронностью ее процессов в различных сферах жизнедеятельности общества, что как раз и подчеркивается российским исследователем во второй цитате.

Сам термин «модернизация» понимается нами как переход от аграрного общества к индустриальному, который носит комплексный характер и имеет место во всех сферах жизнедеятельности общества: в экономике намечаются основы построения рыночной

системы и индустриализация; в социальной сфере присутствуют рост социальной мобильности и урбанизация; в политике происходит складывание гражданского общества и правового государства; духовная сфера характеризуется возникновением мультикультурализма, базирующегося на общечеловеческих ценностях [2].

Следует заметить, что войны существенно ускоряли процессы российской модернизации только в том случае, если обладали высоким уровнем масштабности распространения боевых действий и их отрицательной результативностью для Российского государства. Первая мировая война полностью удовлетворяла всем необходимым параметрам, чтобы стать очередным «Вызовом» к российской (славянской) цивилизации на пути модернизации. Она знаменовала собой рубеж, водораздел в развитии европейского (западного) мира, т. к. в определенной степени символизировала исчерпаемость его формирования в рамках индустриального общества и необходимость перехода к образованию основ постиндустриального. Кроме того, мировое развитие происходило теперь в условиях утраты европейским континентом репутации единственного образца, к которому должны стремиться остальные страны, т. е. с европоцентризмом теперь было покончено [7, с. 406; 8, с. 339-340].

Указанные выше кардинальные изменения были обусловлены особым характером Великой войны 1914–1918 гг.: она была не только Первой мировой, но и первой войной машинного типа с применением оружия массового уничтожения, первой войной с такими колоссальными человеческими жертвами, которые смогла превзойти только Вторая мировая: «Первая мировая война – одна из самых длительных, кровопролитных и значительных по последствиям в истории человечества. Она продолжалась более четырех лет. В ней участвовали 33 страны из 59, обладавших в то время государственным суверенитетом. Население воюющих стран составило свыше 1,5 млрд человек, т. е. около 87 % всех жителей Земли. Под ружье было поставлено в общей сложности 73,5 млн человек. Более 10 млн было убито и 20 млн ранено. Прямые военные расходы 11 главных воюющих государств достигли 200 млрд долл., т. е. в 10 раз больше стоимости всех войн с

1793 г. по 1907 г. Это в значительной степени обусловило особенно кровавый характер войны. Ее порой принято считать «последней рыцарской» войной» [9, с. 62-63].

Непосредственная жесткая детерминация революционных потрясений 1917 г. Первой мировой войной вызывает у историков определенные сомнения, однако связь между ними никто не отрицает [10, с. 531-557]. На наш взгляд, Великая война 1914–1918 гг. внесла свою значительную лепту в начало и развитие революционных событий, что привело в итоге к реализации советской модели модернизации. Следует заметить, что Б.Н. Миронов придает Октябрьской революции в данном плане прямо противоположный вектор: «Три фактора способствовали тому, что Октябрьская революция в некоторых отношениях стала антимодернистской: мировая война; сохранение в среде большей части русского крестьянства и рабочих социальных институтов, права и менталитета традиционного типа; многонациональность Российской империи. Неудачная для России война расшатала власть, дисциплину и общественный порядок, породила материальные трудности, позволила выйти наружу социальным противоречиям, которые до войны, хотя и с большим трудом, удерживались в определенных границах, а также дала возможность социалистическим партиям спекулировать на трудностях войны и агитировать в пользу революции... большинство народа участвовало в революции во имя восстановления погрязшей ускоренной модернизацией традиционных устоев народной жизни» [6, с. 296-297].

Советская модель модернизации в политическом и экономическом планах носила отклоняющийся характер, т. к. вела к формированию в Советском государстве авторитарно-тоталитарного режима, а также к проведению индустриализации, но в условиях административно-командной экономики [11, с. 168; 12]. Иными словами, Первая мировая война была настолько мощным модернизационным «Вызовом» к российской (славянской) цивилизации, что последняя была вынуждена серьезным образом ему сопротивляться, а это и обусловило отклоняющуюся траекторию модернизации Российского государства в советский период.

В качестве основной цели ставится анализ модернизационных процессов социаль-

ного плана, которые были обусловлены Первой мировой войной и имели место в Российском государстве в 1914–1940 гг. Думается, что представленный конкретно-исторический анализ будет полезен для более широких историко-методологических и социально-филологических обобщений, а вместе с этим для оценки и возможной необходимой корректировки современного политического курса с учетом выбранной стратегии реформ.

Следует отметить, что упоминавшийся выше Б.Н. Миронов трактует социальную модернизацию в Российской империи в очень широком плане: «В целом в России в императорский период происходила социальная модернизация: во-первых, люди получали личные и гражданские права, человек становился автономным от коллектива – будь то семья, община или другая корпорация – и как бы самодостаточным, иными словами, приобретал ценность сам по себе, независимо от корпоративной принадлежности и родственных связей; во-вторых, малая семья становилась автономной от корпорации и высвобождалась из паутины родственных и соседских связей; в-третьих, городские и сельские общины изживали свою замкнутость, все больше включались в большое общество и систему государственного управления; в-четвертых, корпорации консолидировались в сословия, сословия трансформировались в профессиональные группы и классы; из них формировалось гражданское общество, которое освобождалось от опеки государства и верховной власти и становилось субъектом власти и управления; в-пятых, по мере постепенного признания субъективных публичных прав граждан возникали конкретные правовые пределы для деятельности органов государственного управления – государство становилось правовым. Словом, суть социальной модернизации в императорской России, как и всюду, состояла в генезисе личности, малой демократической семьи, гражданского общества и правового государства» [6, с. 288-289]. На наш взгляд, основными процессами социальной модернизации, кроме отмеченных выше урбанизации и увеличения уровня социальной мобильности, были, безусловно, складывание индивидуализма, который состоял, в первую очередь, в отрицании коллективистских начал, заложенных общинными порядками и долгим

господством составной патриархальной семьи, и малая демократическая семья, которая формировалась в ходе демографической модернизации. Остальные признаки, отмеченные Б.Н. Мироновым, в большей степени связаны с властными отношениями, что делает необходимым их отнесение к модернизации политического плана.

К началу XX в. Россия оставалась аграрной страной, и самым многочисленным классом-сословием в ней являлось крестьянство. К указанному периоду большая часть остального населения Российской империи уже подверглась в значительной степени модернизации, потому дело стояло, в первую очередь, за социальной модернизацией крестьян. Первая мировая война сыграла здесь серьезную роль как в непосредственном плане, так и опосредованном, явившись одной из основных причин, приведших к революционным потрясениям 1917 г., которые, в свою очередь, привели к формированию основ советского общества. При этом вынужденный характер этих трансформаций вновь заставляет говорить об отсутствии органичного характера российской модернизации и в 1914–1940 гг.

Процессы социальной мобильности в годы Первой мировой войны существенно увеличили свои темпы в связи с призывом около половины трудоспособных мужчин в армию [13, с. 40-41]. Естественно, что их львиная доля имела крестьянское происхождение. Обозначенные мобилизации начали выводить на первый план в производственном отношении женщин, которые стали основной рабочей силой. Надо сказать, что женское население России в военный период не могло активно участвовать в процессах социальной мобильности, т. к. новая роль фактически приковывала их к хозяйству и препятствовала дополнительным заработкам при помощи отходничества или работы в виде прислуги в зажиточных городских семьях [13, с. 34; 41]. Этому способствовала и оказываемая государством поддержка семьям призванных на военную службу в рамках выплаты пособий [13, с. 31-37]. Однако новый статус, приобретаемый женщинами в годы войны, приводил к необходимости получения ими образования, пусть только и начального уровня, что в целом увеличивало долю образованного женского населения [13, с. 53]. Установлен-

ные выше тенденции подвергали изменениям традиционные ментальные ценности русского общества, что становилось одной из главных причин т. н. «бабьего бунта». А последний, в свою очередь, являлся одним из факторов трансформации русской традиционной крестьянской семьи, а также демографической модернизации в целом.

По мнению авторов монографии «Демографическая модернизация России, 1900–2000», в ходе демографической модернизации менялись «... поведение людей в самых интимных областях человеческого бытия, их отношение к вопросам жизни, продолжения рода, любви, смерти», требовался «пересмотр ценностей моральных норм, всего мировосприятия». При этом трансформации «охватили матримониальное, прокреативное, сексуальное, жизнеохранительное, миграционное поведение людей, чрезвычайно сильно повлияли на становление нового типа личности человека, его интеллектуального и эмоционального мира, на его индивидуальный жизненный путь». Сам демографический переход трактуется авторами как «переход от извечного равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости» [14, с. 9].

Надо сказать, что начало XX в. Россия встретила в преддверии очень серьезных демографических трансформаций: традиционные крестьянские семьи в это время имели высокий уровень смертности; обороты набирали «попытки уклониться от рождения детей или отказ от детей, уже рожденных»; вековые традиции морали подвергались существенной критике, а это вызывало «падение семейных нравов»; учащавшиеся случаи уже обозначенного выше «бабьего бунта»; вызывала большие сомнения веками существовавшая патриархальность, что выражалось в нежелании взрослых детей признавать родительскую власть и т. д. [14, с. 62].

Постепенное исчезновение патриархальности было также следствием имущественной дифференциации внутри крестьянской семьи, потери старшим ее поколением всей полноты хозяйственной, нравственной и административной власти. Количество хозяйств росло, т. к. шли семейные разделы, что свидетельствовало об отделении молодых супружеских пар, не желавших нахо-

даться в подчинении у родителей. Ярким примером являются размышления одного из русских солдат, участвовавшего в боевых действиях периода Первой мировой войны, на эту тему: «Затрещат теперь семейства. Не слепить детей с отцом-матерью, мужика с женою прежнюю. Выйдут на новую жизнь одинокими» [15, с. 141].

Взросшее отходничество усиливало влияние города. Сказывалось и падение авторитета церкви. Вот несколько свидетельств, зафиксированных С.З. Федорченко, которая работала сестрой милосердия в годы войны и записала многочисленные высказывания крестьян, примеры солдатского фольклора по тому или иному вопросу, опубликованные затем отдельной книгой: «Я ли не терпел, не маливал, все на Бога возлагал, после смерти за долготерпенье счастья ожидал. Однако в последние часы до того готов был, совсем от церкви отпал, хоть дьяволу душу впору отдать. Теперь я человек, а после смерти не моя забота, а жить выучился...», «Ты Бога оставь, пусть его себя на небе сидит, это теперь не первой важности занятие. Ты страну нашу присмотри. Только сопливость свою помни, а то ахнешь в министры, так только одной думкой и прогремишь, – ставьте, мол, трактир на весь мир, всего-то и занятия твоего до сей поры было...», «Сидел Господь высоко, на людскую тьму глазеть не любил, живите, мол, как придется, мы и обиделись: ты без нас, так и мы без тебя и справились...», «Вот уж сколько-то дней без богов живем, и ничего, будто лучше. И дальше попробуем. А уж внуки-то и знать не будут, какую мы от богов острастку терпели...» [15, с. 138, 140]. Падение религиозности населения стало следствием распространения образования и роста миграционных процессов, развития промыслов и все того же отходничества.

Первую мировую войну необходимо считать катастрофой в демографическом плане. Уровень брачности в этот период существенно понизился (примерно в 2–3 раза). Отсутствие мужчин брачного возраста в результате мобилизаций было главной тому причиной. Следует полагать, что холостые и подлежащие мобилизации мужчины не торопились с браком, однако таких было небольшое количество в силу сложившихся традиций и социальных установок.

Аналогичная тенденция прослеживалась и в случае с рождаемостью, но не в таких серьезных масштабах, т. к. семьи со стажем сглаживали в определенной мере остроту ситуации. Исходя из существующих показателей смертности, важно отметить актуальность большого количества детских смертей, что объясняется низким уровнем медицинского обслуживания, пренебрежением в крестьянских семьях правилами санитарной гигиены и относительно равнодушным отношением к детям небольшого возраста. Итогом стало сокращение естественного прироста крестьянского населения [13, с. 63-72, 74-75].

Несмотря на падение религиозности крестьянской среды в военный период церковные правила по регламентации семейной жизни по-прежнему выполнялись (хотя в данном случае можно говорить и о желании церковных служащих показать при помощи церковной регистрации добропорядочность своей паствы). На помесечный уровень брачности в течение года влияли церковные посты, рождаемость в меньшей степени была подвержена церковным правилам, но все же опосредованно им подчинялась [13, с. 72-74].

Таким образом, Первая мировая война объективно «помогала» решать основную демографическую проблему, стоявшую перед русской деревней – проблему аграрной перенаселенности. Традиционную модель демографического поведения, которую демонстрировало русское крестьянство на протяжении довольно длительного периода, война так и не изменила, а только деформировала. В качестве этой деформации можно рассматривать падение основных показателей естественного движения населения, за исключением коэффициента смертности, и стабильность помесечной динамики брачности, рождаемости и смертности по сравнению с предвоенным периодом. Перейти к другой модели демографического поведения, которая была бы более приемлема в данной ситуации (интенсивное хозяйство с одновременным контролем рождаемости и планированием семьи), крестьянство России сознательно не могло, да и подобный переход в силу сложившихся исторических и природных условий был невозможен. От государства в данном случае помощи ждать не приходило. Оно просто не замечало, или не хотело замечать, возникшей проблемы. А Пер-

вая мировая война явилась одним из компонентов ломки сознания крестьян, в результате которого через революции 1917 г., Гражданскую войну, сталинскую модернизацию и Великую Отечественную войну окончательно сломалась традиционная модель, и крестьянство перешло к новому демографическому поведению и современной семье.

В межвоенный период уровень урбанизации и, соответственно, социальной мобильности существенно возрос. Такой вывод необходимо сделать, опираясь на статистическую информацию из сборника «Население России за 100 лет (1897–1997)». Если в 1917 г. соотношение городского и сельского населения шло примерно в пропорции 1 : 5, то в 1939–1940 гг. – 1 : 2. При этом доля горожан в общей численности россиян увеличилась с 17 % в 1917 г. до 33–34 % в 1939–1940 гг. Такое двукратное увеличение процента городских жителей было связано преимущественно с основными направлениями «великого перелома» в истории советского государства – индустриализацией и коллективизацией. Если в период с 1917 по 1926 г. тенденция роста городского населения не была однозначной (с 17 до 18 %), то в 1926–1940 гг. наметился основной рывок в увеличении доли горожан (с 18 до 34 %) [16, с. 33].

Развитие семьи в межвоенный период во многом зависело от идеологических установок и проводимой политики советского государства, а также от новых условий, которые при помощи этих идеологических и политических факторов создавались. Господствующим тезисом в первые послереволюционные годы было строительство нового коммунистического общества, которое принципиальным образом будет отличаться от старого – капиталистического. Потому отказ от всего старого, в т. ч. и от «буржуазной» модели семьи, был одним из главных лозунгов в Советской России рубежа 1910–1920-х гг. В связи с этим институт семьи стал отвергаться как таковой, ему на смену должны были прийти коллективные отношения. Основными идеологическими принципами стали светскость брака и создание общественных институтов для воспитания детей, которые должны были прививать подрастающему поколению новую – коммунистическую – мораль. Эти принципы подкреплялись и соответствующими законодательными актами. Заключение и рас-

торжение брака полностью было выведено из-под влияния церкви, что во многом приводило к либерализации брачно-семейных отношений. При вступлении в брак и разводах теперь не было необходимости соблюдать большое количество формальностей, что существенно эти юридические процедуры упрощало. На первых порах подобное отношение советской власти к браку и семье приводило к серьезной дискредитации этих социального и правового институтов.

В связи с усилившейся урбанизацией росло число как городских жителей, так и семей городского типа. Безусловно, это приводило к широкому распространению стандартов городской жизни, а также выведению производственной деятельности за пределы семьи, что влекло за собой «сalarизацию» труда. Интенсивная «ликвидация безграмотности», проводимая в Советской России в 20–30-е гг. XX в., увеличивала долю образованного населения, особенно женского. Позиции женщины в общественном производстве (в продолжение тенденции, наметившейся в годы Первой мировой войны) все больше укреплялись, что приводило к повышению ее семейного статуса, но при этом сокращало время и усилия, которые она могла потратить на семью. Вышеизложенные и другие факторы создавали новые условия существования семьи, когда значительно возросли затраты на воспитание и образование подрастающего поколения и потребовалось развитие образовательных и медицинских учреждений нового типа. Указанное увеличение затрат на социализацию детей, снижение детской смертности в совокупности с уже обозначенными изменениями приводили к существенному снижению уровня рождаемости, а в итоге – к разрушению традиционной крестьянской патриархальной семьи, и подготавливали почву для ее нуклеаризации [14, с. 67-69; 86-87].

Начиная с конца 1920-х гг. идеологические установки в отношении брачно-семейной сферы поменялись. В догмах полного отрицания семьи и брака появились новые акценты: идея полного обобществления быта сначала стала считаться несвоевременной, а затем исчезла в принципе. Советская власть взяла на вооружение тезис «от принципа *человек для семьи* – к принципу *семья для государства*». Обозначенная идея приводила к

системе нового семейного консерватизма, который внешне призывал к восстановлению традиционной патриархальной семьи, а на самом деле формировал новую тенденцию отношений «государство – общество – семья»: на авторитарном принципе семейных отношений базировался авторитарный принцип управления обществом [14, с. 78-86]. В реальности же ситуация складывалась следующим образом: «Разрушение традиционной крестьянской жизни, резко усилившееся с конца 1920-х гг., массовая миграция в города, изменение характера трудовой деятельности, снижение смертности и рождаемости, рост образования, развитие системы внесемейного воспитания – все это лишь небольшая часть списка перемен, которые взломали привычный семейный уклад россиян. Мир, в котором существовала семья, стал иным, не могла не измениться и семья: ее основополагающие функции, образ жизни, ритм формирования, семейные роли, внутрисемейные отношения, семейная мораль – все это вступило в полосу обновления» [14, с. 69].

Таким образом, развитие советской семьи в межвоенный период шло по пути отклоняющейся траектории модернизации. Органичная модернизация в данном случае должна иметь линию «от принципа *человек для семьи* – к принципу *семья для человека*», однако идеологические установки и политический курс, имевшие место в советском государстве, деформировали эту направленность, приведя к установлению принципа *семья для государства*. Нуклеаризация советской семьи шла полным ходом, но определяющее значение в этом процессе имело государство, что характеризует переход Советской России в 1917–1940 гг. от аграрного общества к индустриальному как модернизацию «сверху».

Несмотря на столь кардинальные изменения уровня социальной мобильности и урбанизации, а также состава семьи и отношений в ней, отрицание коллективистских начал не было столь радикальным. Этому препятствовали идеологические установки, направленные на формирование коммунистического общества, а также реальная практика строительства социализма. Ярким примером в данном отношении было проведение коллективизации, которая предполагала не только обобществление (огосударствление) част-

ной собственности в деревне, но и создание колхозов, продолжавших традиции дореволюционной крестьянской общины. Роль последней в городских условиях в ходе осуществления индустриализации выполняли коллективы на государственных предприятиях [6, с. 332].

Таким образом, Первая мировая война была настолько сильным «Вызовом» к российской (славянской) цивилизации, что Россия в своем сопротивлении ему шла в русле отклоняющейся модели перехода от традиционного общества к индустриальному, в отличие от дореволюционного имперского периода, как в политике и экономике, так и в социальной сфере: «Советское государство выработало формулу модернизации, которая в одних аспектах отличалась от модели западных стран (приоритет государства над обществом, приоритет коллектива над личностью, ограничение свободы личностью, централизация, планирование, эксплуатация народного энтузиазма), а в других напоминала (формирование рациональной, образованной, светски ориентированной личности, индустриализация, урбанизация, демократическая семья, эмансипация женщин и детей)» [6, с. 333]. В итоге потребовались новые «Вызовы» для того, чтобы вернуть Российское государство к продолжению развития дореволюционной модели модернизации. Ими стали Вторая мировая и Холодная войны.

1. Калхун К. Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумывал. URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (дата обращения: 10.05.2014).
2. Модернизация России и Европа (стенограмма «Круглого стола»). URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (дата обращения: 10.05.2014).
3. Медведев Д. Россия, вперед! 10 сентября 2009. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (дата обращения: 10.05.2014).
4. Алексеева Е.В. Внешние факторы российских модернизаций: история и современность // Исторический опыт российских модернизаций XIX–XXI веков: специфика регионально-го развития: сборник статей / отв. ред. А.С. Бушуев. Казань, 2012. С. 14-27.
5. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 40-56.

6. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 2.
 7. *Булдаков В.П.* Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquiuma). СПб., 1999. С. 406-418.
 8. *Максимычев И.Ф.* Базовый феномен XX века // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов: материалы Международной научной конференции 7–8 сентября 2004 года / отв. ред. В.П. Козлов. М., 2006. С. 339-353.
 9. *Пиков Г.Г.* Первая мировая война и «закат» Европы // Идеи и идеалы. 2010. № 4 (6). Т. 1. С. 54-69.
 10. Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquiuma). СПб., 1999.
 11. *Самохин К.В.* Первая мировая война и политическая модернизация России в межвоенный период // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 5. Ч. 2. С. 164-168.
 12. *Самохин К.В.* Первая мировая война и экономическая модернизация России // Труды Естественнонаучного и гуманитарного факультета Тамбовского государственного технического университета: сборник научных и научно-методических статей. Тамбов, 2014.
 13. *Самохин К.В.* Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2004.
 14. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А.Г. Вишневого. М., 2006.
 15. *Федорченко С.З.* Народ на войне. М., 1990.
 16. Население России за 100 лет (1897–1997): статистический сборник / Госкомстат России. М., 1998.
 4. *Alekseeva E.V.* Vneshnie faktory rossiyskikh modernizatsiy: istoriya i sovremennost' // Istoricheskiy opyt rossiyskikh modernizatsiy XIX–XXI vekov: spetsifika regional'nogo razvitiya: sbornik statey / отв. red. A.S. Bushuev. Kazan', 2012. S. 14-27.
 5. *Krasil'shchikov V.A.* Modernizatsiya i Rossiya na poroge XXI veka // Voprosy filosofii. 1993. № 7. S. 40-56.
 6. *Mironov B.N.* Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): v 2 t. SPb., 2000. T. 2.
 7. *Buldakov V.P.* Voyna imperiy i krizis imperstva: k sotsiokul'turnomu pereosmysleniyu // Rossiya i Pervaya mirovaya voyna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). SPb., 1999. S. 406-418.
 8. *Maksimychiev I.F.* Bazovyy fenomen XX veka // Poslednyaya voyna Rossiyskoy imperii: Rossiya, mir nakanune, v khode i posle Pervoy mirovoy voyny po dokumentam rossiyskikh i zarubezhnykh arkhivov: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii 7–8 sentyabrya 2004 goda / отв. red. V.P. Kozlov. M., 2006. S. 339-353.
 9. *Pikov G.G.* Pervaya mirovaya voyna i “zakat” Evropy // Idei i idealy. 2010. № 4 (6). Т. 1. S. 54-69.
 10. Rossiya i Pervaya mirovaya voyna (materialy mezhdunarodnogo nauchnogo kollokviuma). SPb., 1999.
 11. *Samokhin K.V.* Pervaya mirovaya voyna i politicheskaya modernizatsiya Rossii v mezhoenny period // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2014. № 5. Ch. 2. S. 164-168.
 12. *Samokhin K.V.* Pervaya mirovaya voyna i ekonomicheskaya modernizatsiya Rossii // Trudy Estestvennonauchnogo i gumanitarnogo fakul'teta Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta: sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statey. Tambov, 2014.
 13. *Samokhin K.V.* Tambovskoe krest'yanstvo v gody Pervoy mirovoy voyny (1914 – fevral' 1917 gg.). SPb., 2004.
 14. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000 / pod red. A.G. Vishnevskogo. M., 2006.*
 15. *Fedorchenko S.Z.* Narod na voyne. M., 1990.
 16. *Naselenie Rossii za 100 let (1897–1997): statisticheskiy sbornik / Goskomstat Rossii. M., 1998.*
-
1. *Kalkhun K.* Teorii modernizatsii i globalizatsii: kto i zachem ikh pridumyval. URL: <http://www.inop.ru/reading/page68/> (data obrashcheniya: 10.05.2014).
 2. Modernizatsiya Rossii i Evropa (stenogramma “Kruglogo stola”). URL: http://www.zlev.ru/41_40.htm (data obrashcheniya: 10.05.2014).
 3. *Medvedev D.* Rossiya, vpered! 10 sentyabrya 2009. URL: <http://www.kremlin.ru/news/5413> (data obrashcheniya: 10.05.2014).
- Поступила в редакцию 15.05.2014 г.

UDC 930.1

FIRST WORLD WAR AND THE SOCIAL MODERNIZATION OF RUSSIA (WITH USING OF MATERIALS ABOUT TAMBOV PEASANTRY)

Konstantin Vladimirovich SAMOKHIN, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Candidate of History, Associate Professor, Associate Professor of History and Philosophy Department, Vice Dean of Natural Science and Humanities Faculty, e-mail: kon-sam@yandex.ru

The study of military factor as Russian modernization mechanism in 1914–1940 is considered. The analysis of the First World War's impact on the transition of Russian Empire from an agrarian society to industrial one in social aspect, is considered. The wholeness of modernization processes in Russia as the keystone to their successful implementation is scrutinized. The interpretation of a war as the original “challenge” to Russian (Slavic) civilization which had the “response” in the form of the Russian modernization is the scientific novelty. His concluded that the WWI of 1914–1918 was the strongest “catalyst” for Russian modernization processes in comparison with previous military conflicts with the participation of the Russian empire. It made for forming of Russian modernization divergent model which was manifested in the Soviet variant of Russian society.

Key words: First World War; modernization; social modernization; Russia; Russian modernization mechanism; Russian modernization wholeness; military factor.